

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.39>

Скоробогатова Таисия Ивановна, Суралева Ольга Юрьевна

ИСТОРИЯ И ЛИНГВИСТИКА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ФРАНКОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются и оцениваются германские (франкские) лексические заимствования, функционирующие в современном французском языке, с точки зрения их исторической информативности и потенциала для экспликации феномена германизации галло-римского языка и становления исконного лексического фонда французского языка. Обращение к данной теме обусловлено тем, что в современной отечественной лингвистике информация о франках и их языке носит фрагментарный и мифологизированный характер, в малой степени учитываются результаты исследований, изданные на французском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 173-177. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **García T.** Todos somos turistas del mundo [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2017/08/25/seres_urbanos/1503650774_643922.html (дата обращения: 04.03.2018).
13. **Nadal P.** Nueve lugares que odian a los turistas [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2017/06/01/raso_nadal/1496315476_605835.html (дата обращения: 04.03.2018).
14. **Santos A.** Pesadilla turística en el centro de Madrid [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/ccaa/2017/04/03/madrid/1491219863_654769.html (дата обращения: 04.03.2018).

INVECTIVE STATEMENTS AS INTERIORIZATION OF ACTIONS

Sedova Tat'yana Viktorovna, Ph. D. in Philology
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow
rector@rea.ru

On the basis of the aggressive statements made in the publications of Spanish newspapers against tourists, the article justifies that these statements are of invective character. Understanding the invective in the broadest sense as any verbal aggression, the author concludes that in the course of invective activity, the complex process of the interiorization of actions, which can in certain spatial and temporal coordinates unfold into the acts of direct aggression provoked by the growing “tourism-phobia” in Spain, occurs. In considering some of invective statements from the point of view of the speech acts theory, their strong directive illocutionary component is noted. Also, the author concludes that the examples of invective statements about tourists can become a signal system for further prevention of possible offenses.

Key words and phrases: theory of speech acts; illocutionary force; perlocution; interiorization; invective; uncoded dictionary; “tourism-phobia”.

УДК 811.133.1:81'06

Дата поступления рукописи: 09.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.39>

В статье рассматриваются и оцениваются германские (франкские) лексические заимствования, функционирующие в современном французском языке, с точки зрения их исторической информативности и потенциала для экспликации феномена германизации галло-римского языка и становления исконного лексического фонда французского языка. Обращение к данной теме обусловлено тем, что в современной отечественной лингвистике информация о франках и их языке носит фрагментарный и мифологизированный характер, в малой степени учитываются результаты исследований, изданные на французском языке.

Ключевые слова и фразы: франкизмы; германский суперстрат; галло-римский язык; старофранцузский язык; современный французский язык.

Скоробогатова Тансия Ивановна, д. филол. н., доцент
Суралева Ольга Юрьевна
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
skorobogatova@sfedu.ru, souraleva@sfedu.ru

ИСТОРИЯ И ЛИНГВИСТИКА: ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ФРАНКОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Французский лингвист Б. Серкилини (род. в 1947 г.) назвал французский язык “*la fille la plus ingrate du latin*” [8, p. 15] («самой неблагодарной дочерью латыни») в ряду других романских языков (здесь и далее перевод авторов статьи. – Т. С., О. С.), подразумевая влияние германских наречий на становление и формирование французского языка. М. Юшон, автор *Histoire de la langue française* (2002), пишет, что французский язык произошел от народной латыни, но такой народной латыни, которая столкнулась с двумя специфическими влияниями: галльский язык и франкский диалект [14, p. 11].

Обращение к теме лингвистической значимости франкизмов в истории французского языка по-прежнему не теряет своей актуальности, поскольку, как в современной отечественной, так и зарубежной лингвистике информация о франках и данные об их языке носят фрагментарный и зачастую мифологизированный характер. Существенным пробелом является отсутствие фундаментальных монографических работ, посвященных именно франкизмам, а не словарному составу французского языка в целом. На наш взгляд, в малой степени учитываются результаты исследований, полученные французскими учеными, нет единства в подходе к фактам заимствований из франкского диалекта и их хронологии. Это и определило цель нашей статьи – осмыслить франкизмы в составе лексикона современного французского языка в аспекте историко-культурного и языкового освоения действительности, как манифестаторы исторической памяти. Научную новизну нашей работы мы усматриваем в актуализации связи французского языка в современном состоянии с историей, при которой кадром теоретико-практических рассуждений о роли франкизмов в становлении и формировании лексического состава французского языка выступает концепция исторической памяти. При этом под исторической памятью понимается не только этимологическая память слова, но и в более широком смысле – трансляция исторической информации от одной генерации языкового сообщества другой.

Известно, что германское влияние проявилось в IV-V вв. – периоде интенсивных набегов германских племен в романизованную Галлию. Однако еще раньше, в конце III в., северные и северо-восточные области

Галлии уже подвергались разрушительным нашествиям племенных союзов германцев: особенно активно Галлию грабили и опустошали франки и алеманы в 275-276 гг. [4]. В этот период Рим был существенно ослаблен из-за гражданской войны: за 50 лет (235-285 гг.) сменилось 50 императоров. К тому же пришла эпидемия чумы, и приблизительно в 270 г. защита границы в низовьях Рейна перестала осуществляться, и германские племена с территории Нидерландов вторглись в пределы империи, уничтожая все на своем пути [1].

Учитывая эти хронологические рамки, Л. Гине (1909-1988) делает акцент на том, что нужно отличать франкизмы от ранних заимствований из языков германских племен, которые имели место еще до периода набегов франков, и предлагает обозначить подобные заимствования термином *emprunts westiques* (букв. вестические заимствования; от герм. *west* – запад), поскольку речь идет о таких западногерманских племенах, как батавы, суевы, алеманы, саксы, франки. Все они говорили на очень близких диалектах, которые Л. Гине также называет «вестическими» [13, р. 15]. Лексический вклад каждого из этих племен определить нет возможности. Так, к вестическим заимствованиям Л. Гине относит франкское **hrunkja* / морщина, которое во французском языке дало слово *fronce* / сборка; складка; морщина, поскольку произошло фонетическое изменение (палатализация *k* перед *yod*), то это слово, скорее всего, было заимствовано во II в. (более подробный список вестических заимствований см.: [13]). Вестические заимствования привносились ветеранами-германцами, наемниками, литами (лэтами), свободными земледельцами-воинами, женами римлян, рабами с I в. до н.э. Гипотеза Гине принимается далеко не всеми лингвистами, но имеет право на существование.

Хронологию германских заимствований трудно проследить и восстановить. Было установлено, что из 400 слов, которые считались словами германского происхождения, около 200 были заимствованы ранее V в., т.е. до того, как нашествие франков приобрело особый размах [18, р. 55]. Так, например, *savon* / мыло, скорее всего, пришло из языка фризов (**saipôn*), возможно, через латынь – *sapo* (ср. в ит. – *sapone*, в рум. – *săpun*) [15; 18, р. 55]. Римляне же научились использовать мыло не только для умывания, но и для окраски волос у галлов, которые носили длинные волосы, а чтобы они хорошо лежали, смазывали их растительным маслом, к которому добавляли красную земляную краску. Когда же на эту смесь попадала вода, то образовывалась густая пена, благодаря которой волосы становились чистыми и пушистыми.

Приблизительно в 300 г. император Диоклетиан и его преемники заключили договор с мятежниками, и тогда впервые появилось упоминание о франках, которые по договору должны были защищать северные границы империи [1]. Римляне называли их *Franci*. Происхождение этого эндоэтнонима не является бесспорным, в качестве этимонов рассматриваются: герм. **frank* / свободный; готск. **freis* / свободный; англосакс. **franca* / дротик, копьё. Те, кто склоняется к версии о славянском происхождении франков, считают этимологом слово *бранки* / воины, или *вранцы*, по версии хорватского историка Мавро Орбини (1563(?)–1614), изложенной в труде *Regno de gli slavi hoggi corrottamente detti schiavoni* (1601 г.; в переводе Ю. Е. Куприкова 2016 г. – «Славянское царство. Происхождение славян и распространение их господства») [5].

Любопытен тот факт, что даже в XIX в. крестьяне-славяфоны в окрестностях Салоник обозначали словом *fräng* любого человека, носящего штаны. В 458 г. в панегирике императору Майориану Аполлинарий Сидоний (408–488) так описывает франков: «С макушки их рыжеватые волосы падают на лоб, а обнаженный затылок сияет, потеряв свой покров. У них светлые глаза серо-голубого оттенка. Они чисто выбриты и вместо бороды носят редкие усы, за которыми прилежно ухаживают, расчесывая их гребнем. Тесная одежда облегает стройное тело мужчин; одежда высоко подобрана, настолько, что видны колени, широкий пояс охватывает их узкую талию. Они развлекаются тем, что бросают двулезвенные топоры на большое расстояние, заранее предрекая, где они упадут, размахивают своими щитами, прыжками опережают брошенные ими копья, чтобы таким образом первыми достигнуть врага. Их любовь к войне возникает уже в юном возрасте. Если они оказываются побежденными в результате превосходящих сил врага или неблагоприятной местности, то падают жертвой смерти, а не страха. Пока они не побеждены, они стоят непоколебимо, и их мужество длится едва ли не дольше, чем их жизнь» [7].

Искусность германцев в военном деле подтверждается на сегодняшний день и тем, что многие лексические заимствования, относящиеся к тому периоду, тематически были связаны с войной, оружием, организацией армии: так, в старофранцузском языке *brant* означало «меч» (в древненижнефранкском диалекте – **brand* / меч; метафорическое переосмысление слова *горящая головня, кочерга*), а в современном французском языке остался лишь глагол *brandir* / потрясать оружием и существительное *brandon* / соломенный факел; горящая головня. С германским этимологом связан и глуттоним *brandade* / брандада [10, р. 124].

Старофранцузское *fuerre* / ножны восходит к франкскому **fodr*, что значит *футляр, чехол*, в современном французском языке используется термин *fourreau*. К древненижнефранкскому **furbjan* / чистить восходит и французский глагол *fourbir* / чистить, например, *fourbir ses armes* / чистить оружие [Ibidem, р. 131]. В старофранцузском встречалось два варианта этого глагола: *forbir* и *fourbir* / чинить, чистить, перевязывать. Старофранцузское *rostir* (современный фр. яз. – *rôtir* / жарить) восходит к германскому **raustjan*. По мнению бельгийского филолога А. Госса (род. в 1926 г.), это слово можно отнести к военному вокабуляру, поскольку в то время уже существовали предшественницы маркитанток [12]. Древненижнефранкское **werra* / ссора; беспорядки (в современном французском языке – *guerre* / война) вытеснило латинское *bellum* (однако во французском языке есть прилагательное *belliqueux* / воинственный) [10, р. 137].

К лексике военной сферы германского происхождения относятся также: *heaume* / шлем, *hache* / топор, *haubert* / кольчуга, *éperon* / шпора, *étrier* / стремя, *flèche* / стрела, *trêve* / перемирие, *rang* / ряд, *escarmouche* / стычка, столкновение, перестрелка, *espion* / шпион, лазутчик, *dard* / копьё, дротик, *fêlon* / предатель, *lice* / ристалище, *maréchal* / маршал, *gonfanon* / знамя, хоругвь и др. [20–22].

Цветонаименования (далее – ЦН) *brun, blanc, fauve* первоначально обозначали масть лошадей: *blanc* / белый < герм. **blank* / блестящий < протогерм. *blankaz* / светить, ослеплять; *brun* / коричневый, каштановый < герм. **brūn* / коричневый, гнедой, блестящий; *fauve* / рыжеватый (в старофранцузском – *falve*) < герм. **falw* / желто-рыжий.

Цветообозначение *garance* / красный, краповый восходит к древненижнефранкскому **wratja*, готскому **wraihja* (в старофранцузском языке – *warance, garance* / ярко-красный [9], т.е. цвета марены, т.к. история марены связана с её применением в качестве красящего вещества ярко-красного цвета, поскольку в ее корневых частях присутствует пурпурин и ализарин). В дальнейшем от марены пошла и слова *garant, garantie*, поскольку цена на марену была фиксированной и контролировалась государством.

ЦН *gris* / серый; седой восходит также к древненижнефранкскому **gris*. Могло развиваться из индоевропейского радикаса **gher-* / сверкать, блестеть [2, с. 155]. Как отмечает в своем исследовании С. А. Атаджанян, «при попытке проникнуть в глубины сознания наших далёких предков и восстановить прототип серого цвета от значения “Блестеть”, производного от звукоизобразительного “Резать / Бить”, восходящего к, возможно, чисто звукоподражательному “Шум”, произвольно возникает аллюзия на грозу с присущими ей грохочущими раскатами грома и сверкающими разрядами молнии» [Там же, с. 156].

ЦН *bleu* / синий восходит к древненижнефранкскому **blāo*. В латыни лексика, связанная с обозначением этого цвета и его оттенков, была неточной и нестабильной: *caeruleus, cyaneus, caesius, glaucus, violaceus*. М. Пастуро объясняет это тем, что синий цвет – цвет «молчаливый», т.е. он не был интегрирован в систему ценностей и ассоциировался скорее с варварами, кельтами, германцами [16, р. 27]. Статус этого цвета во Франции изменится только к XI в. и станет цветом плаща Девы Марии [Ibidem, р. 52].

Прилагательное *have* в современном французском языке означает «бледный, болезненный». Его этимологом является древненижнефранкское **haswa-* / серый, как заяц [9]. Только в XVI в. во французский язык из немецкого пришло слово *hase* / зайчиха (от герм. **hasan*). Таким образом, заяц получил свое название по цвету.

Следующую группу франкизмов составляют наименования предметов одежды и вестиментарных деталей: *bliaud* / блио, *cotte* / котта, *écharpe* / шарф, *robe* / платье, тога, мантия, риза, *poche* / карман и т.д.

С X по XIII в. была широко распространена верхняя мужская и женская одежда *bliaud* / блио (в старофранцузском языке: *blyaut, bliat, bliat; bliaudot*), которая представляла собой разновидность длинной туники. Данное слово предположительно восходит к франк. **blifald* / одежда пурпурного цвета [6, с. 109] и в современном французском языке не употребляется.

Не сохранилось во французском языке и слово *cotte* / котта (в наши дни существует в англ. яз.: *coat* / верхнее пальто). Котта – мужская рубашка, название которой восходит к франкскому **kotta*. В древневерхненемецком оно означало одежду из грубой шерсти [Там же, с. 108].

С военной тематикой связано и современное наименование одежды *robe* / платье, тога, мантия, риза, поскольку этимологически эта лексема восходит к герм. **raub* / добыча, военные трофеи. В старофранцузском с таким же значением существовал соответствующий термин: *robe, roube, reube*, а также глагол *rober* / грабить, опустошать. Однако одним из значений существительного *robe* было также «одежда» [18, р. 108].

Слово *écharpe* / шарф восходит к древненижнефранкскому **skirpja* / тростниковая корзина. Ср. со старофранцузским написанием: *eskerpe, escarpe, esquerpe, esquierpe* и т.д. [11]. Первоначально это слово имело значение *sacoch* / сума (паломника, например); сума у пояса.

К вестиментарной лексике германского происхождения относятся также: *froc* / клобук; брюки, *bonnet* / колпак, берет, шапка, *gant* / перчатка, *botte* / сапоги, *moufle* / рукавица, *sarrau* / рабочий халат и др. [20; 21; 22].

Живя среди болот и лесов, древние германцы охотились, пасли одомашненных животных, собирали ягоды. Франков называли *Germaines des bois* (лесные германцы), поэтому фаунонимическая и флористическая лексика французского языка также хранит франкское наследие:

- **амфибионимы:** *crapaud* / жаба, *écrevisse* / рак;
- **ихтионимы:** *brème* / лещ, *esturgeon* / осетр, *hareng* / сельдь;
- **наименования млекопитающих:** *renard* / лиса, *étalon* / жеребец, *laie* / самка кабана, *bison* / бизон;
- **орнитонимы:** *freux* / грач, *mésange* / синица, *chouette* / сова, *héron* / цапля, *mouette* / чайка;
- **энтомонимы:** *frelon* / шершень, *hanneton* / майский жук, *guêpe* / оса;
- **дендронимы:** *troène* / бирючина, *hêtre* / бук, *houx* / падуб, *osier* / ива, *saule* / ива, верба;
- **миконимы:** *morille* / сморчок;
- **фитонимы трав:** *roseau* / тростник;
- **фитонимы ягод:** *framboise* / малина, *groseille* / смородина [Ibidem].

В конце I в. н.э. германцы стали больше заниматься земледелием и сумели оставить в качестве лексического наследия слова, связанные с сельским хозяйством. Так, этимологом французского слова *blé* / пшеница считают франкское **blād* / урожай, продукт земли (в старофранцузском языке – *blet*) [10, р. 122].

О. Пикерон выдвигает предположение, что, возможно, произошло смешение франкского слова с галльским **blatu-* [17].

В это же время некоторое развитие получили и ремесла: кузнечное и гончарное дело, ткачество, выделка кожи и т.д.: *alène* / шило восходит к франкск. **aliso* / изогнутое шило для прошивания кожи. Предположительно данное слово было заимствовано народной латынью ранее IV в. Происхождение французского глагола *broder* / вышивать связывают с древненижнефранкским **brosdôn* (**borst* / щетина кабана, свиньи + **brordôn* / вышивать, украшать). Этимологом слова *feutre* / фетр является древненижнефранкское **filtir* / ткань, получаемая путем валяния шерсти или пуха. Слово *maçon* / каменщик восходит к древненижнефранкскому **makôn* / делать [20-22].

Привнесли германцы в современный французский язык и слова, связанные с морем и морским делом: *bouée* / буй, бакен, *écume* / пена, *flot* / волна, вал, *falaise* / прибрежная скала, *chaloupe* / шлюпка, *esquif* / ялик, челн, *grappin* / кошка (разновидность крюка для захвата корабля), *houle* / волнение на море, *mât* / мачта и др. [Ibidem].

Есть франкизмы, необходимость и причину заимствования которых трудно объяснить. Так, *tette* означает «соски вымени животных» и восходит к герм. **titta* / женская грудь. Данная лексема дала такие дериваты, как *téter* / сосать молоко, *tétine* / грудь; вымя; соска, *téterelle* / молокоотсос, *téteur* / сосунок, грудной ребенок. А. Госс объясняет это предположением, что женщины германских племен привозились в Рим в качестве кормилиц [12].

В рамках данной статьи невозможно привести все лексические единицы французского языка, которые остались в наследство германцы. В старофранцузском языке их было, по мнению ученых, от 700 до 1000. Гастон Зенк (1921-1999) приводит следующие данные: в старофранцузском языке насчитывалось 20000-25000 слов, 95% которых были латинского происхождения, 1000 слов относились к германскому суперстрату [23, p. 103].

Говоря о лексическом составе современного французского языка, лингвисты оперируют цифрами 400-800 франкизмов [8, p. 121]. Опираясь на данные М. Юшон [14], можно сказать, что слов германского происхождения во французском языке насчитывается около 1300. О. В. Богданова, согласно результатам проведенного ею исследования на тему «Полипараметрическое исследование ядра лексической системы французского языка» (2003), отмечает, что 2,64% корпуса исследуемой лексики французского языка имеют франкское происхождение [3, с. 18].

Цифры разнятся по нескольким причинам: включаются или нет в репертуар заимствований историзмы, топонимы, имена собственные, также есть разночтения в этимологических версиях некоторых слов, поскольку маршруты «путешествующих» слов бывает крайне сложно проложить и проверить. Так, например, французское слово *escrime* / фехтование восходит к франкск. **skirmjan* / защищать. В старофранцузском языке оно существовало в различных орфографических вариантах – *escremie*, *escarmie*, *esquiermie*, *eskermie* – и означало борьбу на палках или мечах. Из старофранцузского слово было заимствовано окситанским, затем попало в итальянский язык. Из итальянского было снова заимствовано французским уже со значением «искусство владения шпагой» [10, p. 128].

Около 20 слов в современном французском языке – вклад языка древних готов (восточногерманское племя). Среди них лексема *gai* / веселый, которая была заимствована из древнеокситанского языка, но восходит она к готскому **gaheis* / бурный, пылкий [19, p. 157].

Надо отметить, что в галло-римский период лексические заимствования из других языков не были многочисленными. Это несколько слов греческого происхождения: *propheta*, *lampada*, *baptidaire*, *christianus*, *monachus* и др. Однако галло-римляне активно черпали новые слова из наречий германских завоевателей. Франкская Галлия не была результатом великих нашествий, а стала продуктом культурного сплава, обусловленного постепенными и последовательными миграциями: на 6000000 галло-римлян приходилось 12000 франков (5% от общего числа населения) [21, p. 36]. Галло-римский язык и франкский диалект мирно сосуществовали с V в. по X в.

Вышеизложенное привело нас к заключению, что анализ происхождения франкизмов, оставшихся в употреблении в современном французском языке, является информативным способом изучения рефлексов исторической памяти в языке. Процессы переосмысления употребления слов, стирание старых значений и возникновение новых в языковом сообществе галло-римлян наделили лексическую систему французского языка столь своеобразной спецификой. Франкизмы выступают прочными звеньями «*цепи времен*» (выражение принадлежит У. Шекспиру).

Список источников

1. **Асланов Л. А.** Культура и власть [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Aslan/ (дата обращения: 07.04.2018).
2. **Атаджанян С. А.** Первоисточники цветоименований. Фоносемантика и этимология (на материале русского и испанского языков): дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 2014. 214 с.
3. **Богданова О. А.** Полипараметрическое исследование ядра лексической системы французского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2003. 21 с.
4. **Корсунский А. Р., Гюнтер Р.** Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств [Электронный ресурс]. URL: http://historylib.org/historybooks/A--R--Korsunskiy--R--Gyunter_Upadok-i-gibel-Zapadnoy-Rimskoy-Imperii-i-vozniknovenie-germanskikh-korolevstv/11 (дата обращения: 06.04.2018).
5. **Орбини М.** Славянское царство. Происхождение славян и распространение их господства. М.: Просвещение, 2016. 576 с.
6. **Седова Д. А.** Формирование и эволюция номинаций одежды во французском языке в средневековый период: зарождение моды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 4 (772). С. 105-114.
7. **Сидоний Аполлинарий** [Электронный ресурс]. URL: http://drevlit.ru/docs/france/V/440-460/Sidonij_Apoll/text3.php (дата обращения: 08.04.2018).
8. **Cerquiglini B.** Le Roman de l'orthographe: au paradis des mots, avant la faute, 1150-1694. P.: Hatier, 1996. 167 p.
9. **CNRTL: Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 08.04.2018).
10. **Favre M.** Si la langue française m'était contée. Fides, 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/si_la_langue_francaise_metait_contee.pdf/si_la_langue_francaise_metait_contee#page/n0/mode/2up (дата обращения: 09.04.2018).
11. **Godefroy F.** Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle, 1880-1895 [Электронный ресурс]. URL: <http://micmap.org/dicfro/introduction/dictionnaire-godefroy> (дата обращения: 09.04.2018).
12. **Goosse A.** À propos du superstrat du français [Электронный ресурс]. Bruxelles: Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique, 1994. URL: <http://www.arlfb.be/ebibliotheque/communications/goosse100994.pdf> (дата обращения: 09.04.2018).

13. Guinet L. Les emprunts gallo-romans au germaniques: du Ier à la fin du Ve siècle. P.: Klincksieck, 1982. 212 p.
14. Huchon M. Histoire de la langue française. P.: Le livre de poche, 2002. 315 p.
15. Leblanc R. Le savon de la préhistoire au XXIème siècle. Montreuil – l'Argile: Éditions Pierran, 2001. 396 p.
16. Pastoureau M. Bleu. Histoire d'une couleur. P.: Le Seuil, 2000. 216 p.
17. Piqueron O. Précis de Gaulois Classique [Электронный ресурс]. Mons, 2015. URL: http://www.academia.edu/16699213/Precis_de_Gaulois_Classique (дата обращения: 07.04.2018).
18. Rouquier M. Vocabulaire d'ancien français. P.: Nathan Université, 1992. 128 p.
19. Steuckardt A. Les emprunts du français aux langues germaniques. Parcours diachronique // Travaux du CLAIX / Travaux – Cercle linguistique d'Aix-en-Provence. Aix-en-Provence: Université de Provence, 2012. P. 157-170.
20. Walter H. Honni soit qui mal y pense: l'incroyable histoire d'amour entre le français et l'anglais. P.: Robert Laffont, 2001. 364 p.
21. Walter H. L'aventure des langues en Occident. Leur origine, leur histoire, leur géographie. P.: Robert Laffont, 1994. 498 p.
22. Walter H. Le Français dans tous les sens. P.: Robert Laffont, 2001. 416 p.
23. Zink G. L'ancien français (XIe-XIIIe siècle). 3e éd. corr. P.: Presses universitaires de France, 1993. 126 p.

HISTORY AND LINGUISTICS: THE FRANKS' LEXICAL HERITAGE IN MODERN FRENCH

Skorobogatova Taisiya Ivanovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Suraleva Ol'ga Yur'evna

Southern Federal University, Rostov-on-Don
skorobogatova@sfsu.ru; suraleva@sfsu.ru

The article examines and evaluates the Germanic (Frankish) loan words, functioning in modern French, from the point of view of their historical informativeness and the potential for explicating the phenomenon of Germanization of the Gallo-Roman language and the formation of the original lexical fund of the French language. The reference to this topic is conditioned by the fact that in modern domestic linguistics the information about the Franks and their language is fragmentary and mythologized, and the results of the studies published in French are not much taken into account.

Key words and phrases: Frankish loan words; Germanic superstratum; Gallo-Roman language; Old French language; modern French language.

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 04.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.40>

Изучение средств появления авторитетности, определенных речевых стратегий и тактик требует исследований для выявления механизмов воздействия коммуникативной категории авторитетности в дискурсе ток-шоу в силу того, что в современном мире роль массмедийного дискурса стремительно возрастает. Цель данной статьи – изучение и анализ реализации прагматической стратегии, входящих в нее тактик и дискурсивных маркеров коммуникативной категории авторитетности в дискурсе ток-шоу. Для осуществления стратегий проявления категории авторитетности говорящий использует комплекс тактик и дискурсивных приемов, поэтично реализующих языковое авторитетное воздействие.

Ключевые слова и фразы: коммуникативная категория авторитетности; прагматическая стратегия; дискурсивные маркеры; речевое воздействие; тактика.

Уланова Екатерина Эдуардовна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
arvin-elf@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ АВТОРИТЕТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО ТОК-ШОУ «ЖИТЬ ЗДОРОВО»)

На всех уровнях коммуникации речевое общение как господствующая форма социального взаимодействия между людьми играет важнейшую роль в человеческом сообществе. Данная статья посвящена различным языковым маркерам, которые используют в своей речи авторы дискурса для повышения авторитетности репрезентируемой информации. Будучи непосредственно связанной с коммуникативной нормой, выбором, говорящим определённой коммуникативной стратегии и тактики коммуникативного поведения, рассматриваемая нами коммуникативная категория авторитетности оказывает существенное воздействие на формирование коммуникативной структуры дискурса, определяет характер протекания речевого взаимодействия и в результате влияет на эффективность коммуникации. Так, рассматриваемая на практике речевая стратегия и тактики выражения дискурсивных маркеров коммуникативной категории авторитетности (далее – ККА) являются неотъемлемой частью массмедийного дискурса. Подобные маркеры являются специальными знаками, которые заставляют читателя *to jump to conclusions* (досл. «перескакивать к выводам»), т.е. делать выводы о наличии и признании авторитетности автора без рассуждений [7, с. 80].

В рассматриваемом нами эмпирическом материале в ходе интерпретативного анализа были выявлены стратегии и тактики говорящих, которые выражались в использовании дискурсивных маркеров коммуникативной категории авторитетности [12].